

Госпожа Тренога

Екатерина Медведева

ФАНТАСТИКА

С утра пораньше, как всегда, Блерте выгоняла стадо. Старуха гусыня ежилась и махала крыльями, накликающая дождь, гусята и молодые гусочки спешили за гусаком, а тот шел, важно помахивая кошельком, и косился на Блерте. Богатые это были гуси, мясистые, каждый носил в кошельке золотую монету. Так приговаривала бабушка, и в детстве Блерте один раз пробовала эту монету нащупать. Получила клювом по лбу. И как обидно было узнать, что никакого золота нет, и не кошелек это, а обычная складка кожи. А на лбу остался шрам-памятка: не лезь туда, куда не просят, не ищи то, чего нет.

Она шлепала босыми ногами по лужам и напевала. Вдруг кто-то повторил ее песенку на дудочке. Захотели гуси, и Блерте огляделась в поисках того, кто так насмешил ее стадо. Неужели Пастух? А говорили, замерз в лесу зимой и больше не появится.

Он был потрепанный, хромой, непонятного возраста. Щетина с проседью, а глаза — удивительно яркие и молодые, и ходил живо, чуть вприпрыжку, похлопывая кнутовищем по грязному, разбитому сапогу. Его сторонились, а он словно и не замечал. Один как перст — ни семьи, ни дома, но будто и не тяготился одиночеством. Разговаривал со своей рыжей собакой, курил вонючий лесной табак и всегда появлялся неожиданно, как черт из табакерки.

— Блерте, где ты там? — донеслось из дома, и Блерте ускорила шаг. Бабушка уже проснулась, а кофе не сварен, воды надо принести, печь растопить. А уж если бабушка увидит, с кем разговаривает внучка, палки не избежать. Бабушка терпеть не могла Пастуха. Иногда Блерте казалось, что бабушка недолюбливает мужчин. Хотя, надо отдать ей должное, она была одинаково сурова и к мужчинам, и к женщинам, ко всему роду человеческому, за исключением разве что младенцев и покойников, жалея первых за беспомощность, а вторых за перенесенную муку смерти. Живым же бабушка спуску не давала, и Блерте доставалось в особенности.

— Добро утречка. — Пастух приподнял потрепанную шляпу.

В этой шляпе он напоминал Блерте гриб-зонтик, и она всегда неволью улыбалась. И совсем не боялась его. Ну как можно бояться гриба? Бедняга, не многие жалуют его вниманием. Как и меня, подумала Блерте, как и меня. Она чувствовала, что нравится Пастуху, он смотрел на нее точно так же, как рассматривал цветущую вербу или маленьких, слепых щенят. Как будто Блерте тоже беспомощная и трогательная, малая былинка на большой земле.

— Добро, — ответила она и протянула ему лепешку, свой завтрак. По старой традиции Пастух попеременно брал угощение у городских хозяек. И пусть никакого

стада он не пас, но кому раз в месяц жаль дать хлеба, сала, пару луковиц бездомному человеку? Блерте иногда припасала ему кусок пирога с гусятиной или медовую ватрушку, но сейчас пост, и они с бабушкой сами питаются скудно. Да и не ожидала она.

Пастух чинно поклонился. И, как всегда, поделился новостями, по-своему отблагодарил. В балке черемша зазеленела, собирай скорее, пока не зацвела. А на старую просеку не ходи, там медведя видели, с зимы шатается, тощий, злой. Блерте слушала его и радовалась всему — разговору с живым человеком, солнцу, гусиному гоготу, теплу. Кончилась зимняя неволя. Скоро бабушка начнет посылать в лес — за березовым соком, сосновыми почками, бузиновыми венниками для гусей.

— Ты где же зимовал? — спросила она, сочувственно глядя на изможденное лицо Пастуха.

— Да где попало, — щербато улыбнулся он. — То у лешего в берлоге, то у черта на пороге...

«То у Госпожи Треноги», так кончалась поговорка, они оба знали и оба промолчали. Госпожу Треногу не было принято поминать вслух.

— Блерте, с кем ты разговариваешь? — крикнула бабушка, и Блерте, поспешно кивнув Пастуху, помчалась к дому. Припозднилась она сегодня, ох, будет работа тяжелой бабушкиной палке.

Темно, душно, закрыты ставни, мерцает лампадка в углу, озаряя строгие глаза и сжатые губы на иконе. Утро ли, вечер — дома всегда полумрак. Блерте знала наизусть расположение мебели и утвари, почему зря свечи не жгла и, выскакивая в гусятник да к колодцу, подслеповато щурилась на солнечный свет.

— Опять болтала праздно, — укорила бабушка и дернула Блерте за косу. — Делом занимайся, делом. Не пустословь!

Блерте вздохнула с облегчением. Дубовая бабушкина трость осталась в спальне, значит, бабушка настроена мирно, а после горячего ароматного кофе и вовсе по добреет, если Блерте не допустит оплошностей и будет прилежной.

— Садитесь, бабушка, — она пододвинула кресло поближе к огню, — сейчас я подам ваш завтрак.

Блерте жила одиночкой. В детстве у нее были знакомые девочки. После школы они забежали к Блерте на чай. Под строгим бабушкиным надзором рассаживались на продавленном старом диванчике и шушукались, посмеивались, взвизгивали:

— Ой, Блерте, паук ползет!

— Так отодвиньтесь, — спокойно говорила Блерте. Сама она хоть и боялась пауков, но не шарахалась от них. Подумаешь, цапнет за палец. Поболит и заживет. Не такие уж они и ядовитые.

Сыпалась известка с потолка, отсыревшие ковры пахли плесенью. Заваривая на кухне чай для подружек, Блерте носком туфли отбрасывала жаб, нагло поселившихся под кухонным столом. Подружки снова поднимали визг. Постепенно одна за другой они перестали приходить. А ей не разрешалось ходить на прогулки, как ходили, сбившись в стайки, все девочки ее возраста. Они мазали губы в розовый цвет, завивали ресницы позолоченными щипцами, подкладывали в корсаж платочки, чтобы казаться пышнее. А ей было запрещено все, что делали они, и все, чего они не делали. Все полностью. Она могла лишь наблюдать за ними в церкви или в лавке. Подружки росли и хорошели, бегали на танцы и высказывали замуж, а Блерте стирала, варила, пекла, выгребала золу, скоблила добела пол, ощипывала гусей и топила жир, набивала подушки и носила их на рынок. До подружек ли, тут бы выспаться!..

Вечерами Блерте валилась с ног, но оставался еще урок. Скрипело кресло, покачивалась на стене сгорбленная бабушкина тень, кружилось и подпрыгивало веретено. Блерте чувствовала бабушкин взгляд, и нитка тут же путалась и рвалась.

— Безрукая! — сокрушалась бабушка.

Блерте испуганно вздрагивала: трость оставляла жуткие синяки. Но била бабушка редко. Чаще вздыхала: «Пряха из тебя, как из гуся королева», брала веретено, показывала, как надо. Нитка, тонкая и прочная, бежала меж ее скрюченными пальцами, тяжелело веретено, обрастало шерстяным брюшком.

Клубки копилась в глубокой корзине, и зимой бабушка с Блерте вязали на продажу паутинки-шали и толстые пушистые платки. Валил снег, окна запотевали, покрывались затейливыми бело-голубыми узорами, и такие же узоры вывязывала бабушка, ракушки, виноградные гроздья, столбики, цепочки, завитушки. Возились в кормушке свистели, стекленела река, и Блерте отвлекалась, поглядывая на метель, и сразу путался узор, убежали непослушные петли, и вместо ажурных листьев и цветков выходили кривые, нелепые птичьи лапы, рваные паучьи сети, спутанные силки. Снежинки стучали в окошко, звали на прогулку. Блерте хваталась за платок и полушубок.

— Куда? — тихо говорила бабушка из своего кресла, и внучка замирала.

— Погулять.

— Гуляют праздный да ленивый, — чеканила бабушка. Вставала и, всем весом опираясь на трость, хромала к окну. — Горох не дроблен, насыпки не дошиты, а будет мало — спроси, я тебе еще работу сыщу.

И вечным, нескончаемым делом была стряпня. Ведро ли, дождь, сжигают ли соломенное чучело или завивают березки, удел Блерте один — сковородки да котелки. Куда тебе гулять, дуреха, без тебя обойдутся. Так и состаришься здесь, на закопченной, темной кухне, так и умрешь с ножом в руке, с морковным соком под ногтями, с запахом лука и лаврового листа в волосах. Тоска, тоска. Ползли по стенам трещины, тёк рукомой-

ник, смотрела открытым ртом солонка-свинья. Паутина оплетала углы, сколько ни выметай, на другой день появлялась снова.

Вот и сейчас на толстой белой нитке деловито спускался паук. Это к письму, подумала Блерте, вздрогнув, непременно к письму. Она была суеверна и боялась всего — полной луны, могильной косточки, пауков с крестом на спине, черных кошек и камушков с дыркой, во всем ей чудилось присутствие неведомых злых сил. Еще и соль просыпала. Ой, что за вести будут?

— Как управисься, в лес иди, спасицвета набери, — проговорила бабушка, допив кофе. — Наши-то пучки совсем за зиму прохудились.

Спасицвет, дальние, тенистые лощины, полдня свободы. Блерте, сдерживая улыбку, стала думать о том, как развесит пахучие букетики по всем углам, под приполокой, на чердаке. Бабушка говорит, что от моли-шерстоедки, но все же знают: эти чахлые болотные цветочки отпугивают нечисть. Особенно ту, о которой страшно говорить вслух.

Когда случалось что-то дурное в городе, бабушка читала молитву, захлопывала ставни и жгла сухие веточки спасицвета. Горьковатый травяной дым окутывал комнаты, успокаивал, утешал. Никто не вползет украдкой, никто не стащит за ногу с кровати, не вгрызется в шею, спи, Блерте, спи. Моль, впрочем, тоже не любила этот запах, и виноградные, ракушечные, снежные шали в сохранности дожидались новых владелиц, и скудели гусиные кошельки, и бабушка посылала Блерте на почту с пухлым конвертом, с очередным взносом в школу, где учился младший братец Грен.

Конечно, бабушка не собиралась взваливать на себя такую ношу. Двое непослушных внуков, да еще неродных ей. Но сын женился на вдове с приплодом, а потом и умер с ней в одночасье, а дети не умерли, дети остались зачем-то жить, и ей ли, старухе, противиться воле Господней.

А ведь она так слаба здоровьем. Больные суставы, тяжело ходить, а за детьми не ходить — бегать приходится. И глаза слабые, еле-еле святую книгу читают, а за детьми не в два, в четыре глаза смотри — и то не усмотришь. Бедная старенькая бабушка, она изо всех сил пыталась сделать из Блерте и ее брата достойных, благочестивых людей. Но если внучка росла послушной, то внук оказался старухе не по силам. И уже шесть или семь лет он жил в закрытой школе, далеко, так далеко, что даже на каникулы не мог приезжать. Блерте с ума сошла б, доведись покинуть дом и бабушку. А братец на жизнь не жаловался.

Блерте аккуратно, каждую неделю писала ему свои немудреные новости. «Гусак облетел вокруг дома, говорят, это предвещает чью-то скорую смерть. Я пекла пироги с брусникой, твои любимые. На кухне протекает крыша, и бабушка наняла мастеровых. Был бы ты дома, починил бы сам». Изредка приходил ответ. Куцые, небрежные, заляпанные чернилами, послания Грена начинались неизменно: «Дорогая сестренка, пришли немного денег». Иногда он вкладывал в письмо сизое голубиное перо или душистую золотую бумажку от карамельки, а иногда вываливался из конверта огромный сушеный таракан, и Блерте взвизгивала от

неожиданности. И никогда бы не поверила, если бы ей сказали, что таракан вложен намеренно. У братца были своеобразные понятия о шутках.

Бабушка раз в триместр получала табель с отметками, и хмурилась, и усердно молилась, призывая Господа подарить разум ее непутевому внуку. Сотни гусей пожертвовали кошельками в пользу Грена, пальцы Блерте были исколоты гусиными перьями, а все напрасно. Учится Грен из рук вон плохо, наставники выражали недовольство, и бабушка говорила в сердцах, что тюрьма по нему плачет. Блерте горевала, представляя братца в тюрьме. Уж лучше б домой вернулся.

И мечта ее сбылась. Вернувшись из лесу, румяная, счастливая, с охачкой спасицвета и корзинкой черемши, Блерте увидела на столе казенное письмо. Ваш Грен — грубиян и невежда, говорилось в письме, поведение его так отвратительно и знания так ничтожны, что ни за какое золото мира школа больше не желает держать у себя строптивного мальчишку.

Встречайте, он отправляется домой.

Ах, как негодовала бабушка. А Блерте тихо радовалась. Грен возвращается, милый брат, живая родная душа.

Столько лет прожили врозь. Каким он вырос? Что любит теперь, о чем мечтает, понравится ли ему дома? Ведь он жил в столице, видел красивую, яркую жизнь, а здесь — ветшающий городок, по улицам бродят гуси, лес в окна заглядывает, и одна приятность — храм по воскресеньям. Не затоскует ли?

В день его приезда Блерте умаялась, начиная гусиную тушку грибами да орехами, замешивая тесто для пирогов, начищая вилки да ложки песочком. Трижды роняла нож — спешит, спешит домой братец. И Блерте спешит, готовится.

Она знала, что почтовый дилижанс из столицы пронесется мимо их городка пополудни. И все же не рассчитала, и, когда калитка скрипнула, Блерте домывала пол. Босая, вспотевшая, с подоткнутой юбкой, она вылетела на крыльцо — и замерла. Обнять? Руку подать? Поцеловать в щеку? Блерте не помнила, когда последний раз прикасалась к человеку, ее пугала сама мысль об этом.

Братец пинал ногой дорожный мешок и разглядывал Блерте, облупленное крыльцо, гусиный помет на ступенях, корыта с водой и мешанкой. Блерте смутилась и развела руками, будто извиняясь за такие декорации и себя в главной роли.

Из тщедушного парнишки Грен вымахал в высоченного красавца, широкоплечего, статного, с темными кудрями и бледной кожей. Оно и понятно — где ему было загорать, над книжками просиживая, с жалостью и любовью подумала Блерте. И еще подумала грустно: «Он совсем не похож на меня». Хотя чего грустить, тут радоваться надо.

— Ты и есть Блерте? — спросил он.

— А ты и есть Грен? — тоже вопросом ответила она.

Он помолчал. Недобро усмехнулся:

— Не узнаешь любимого брата? Тебя тоже не узнать, сестричка.

И снова окинул ее неуютным масляным взглядом с ног до головы.

— Ты почему в черном? — спросил. — Монашка, что ли? Хотя нет, монашки так юбку не задирают.

«Совсем не похож на меня», — снова подумала она. И сказала тихо:

— Пойдем, я провожу тебя к бабушке.

С приездом братца ничего не переменялось в доме. Все так же вскипал для бабушки кофе, копился в корзине гусиный пух, суежилась Блерте, выполняя тысячу разных дел. А Грен не делал ничего. Поздно ложился, поздно вставал, ел за троих, слонялся по комнатам, листал книги, трогал маятник старых часов. «Детство вспоминает», — думала Блерте. А когда он рассматривал пауков на стенах, буфет с щербатými чашками, старые тусклые обои, ей становилось стыдно. Не столица, уж да!

Их дом был невелик: гостиная, кухня и две спальни.

— Где же ему постелить? — растерялась Блерте, и бабушка пожала плечами:

— Чего мудрить? Дети вы делили одну комнату. Его кровать до сих пор стоит напротив твоей. Только ширму возьми с чердака.

Теперь, переодеваясь за ширмой, Блерте как будто чувствовала взгляд брата. А он посмеивался, замечая ее смущение, и опускал глаза в книжку.

— Подружки у тебя есть? — спросил как-то. — Позвала бы в гости парочку посмазливее.

— Скалка да прялка мои подружки, — усмехнулась Блерте, вспомнив любимую бабушкину поговорку.

А вот старинные дружки Грена заявили вскоре по его приезде.

— Изменился ты, приятель, здорово изменился, — говорили они наперебой.

— Да и вас не узнать, ребята, — ухмылялся Грен. А Блерте с ужасом глядела, как они топчут пол грязными сапогами, сыпят пепел, поплеывают, наполняют кухню крепким духом пота, выпивки и табака. «Почует бабушка, не выветрю», — безнадежно думала она. Кто-то, подмигнув, достал шкалик, и братец спросил у Блерте стаканы.

— Черт с ними, сойдут и чашки, и отыщи закуску, вроде оставался пирог с потрошками, вы любите потрошки, друзья?

Друзья спрашивали тоже:

— А помнишь, как мы строили плот и чуть не утопили в карьерах?

— А как тебя дикие пчелы искусали?

— А как траву палили и дурачина Пелле себе ноги обжег?

Блерте видела: Грен ничего этого не помнит, путает имена приятелей. Плохо скрываемое пренебрежение и скука сквозили в его глазах. Но он знал скабрзные песенки, и анекдоты, и хитрые карточные игры, и сворачивал сигарки особым способом, и так метко бросал нож. И ему охотно простили его забывчивость. Они дымили, пели пошлости под гитару, играли на деньги. Блерте прислуживала им, убирала объедки, открыла настезь окно, а Грен посмеивался и тасовал карты, и сыпал грязными историями. «О да, мальчишки любят все это», — думала Блерте, сидя в уголке под суровым закопченным ликом какого-то святого.

Ей почудился чей-то взгляд. Она подняла глаза. Пастух! И он здесь! Он уж точно не мог быть детским приятелем Грена. Впервые она видела его под крышей человеческого дома. Хоть бы не узнала бабушка!

Пастух не участвовал в глупых полудетских разговорах, только попыхивал трубкой да осматривался. Наверное, ему захотелось побыть на людях. Или на столичного гостя посмотреть, послушать новости. А может, Грен зазвал его нарочно, чтоб удивить дружков.

Конечно, бабушка учуяла непрошенных гостей. Ох и ругалась она, а подвыпивший Грен ухмылялся и дерзил. И что было делать старухе, не ставить же этого верзилу коленками на горox.

Не складывалось у него с бабушкой. Будто нарочно ее донимал.

То в спальню ее проник, где сундучок с гусиными деньгами. Наверняка хотел добыть себе на табак и выпивку. А бабушке сказал, что проверял, на месте ли ее башмаки. Мол, Госпожа Тренога не нашла сапожника и теперь ворует обувь у почтенных горожан...

То в подпол повадился. Бабушка сердилась, что он подьест запасы — варенья да соленья, смалец, гусиный паштет в горшочках, — замахивалась палкой, а он хохотал и удирал, возвращаясь за полночь, когда окна в доме были уже темные и бабушка, выместив злость на бедняге Блерте, сладко спала.

Грен творил, что вздумается, и Блерте искренне восхищалась им. А он с изумлением глядел, как покорно подставляет Блерте руки под палку, беспрекословно остается без ужина или несет крапиву для порки. Блерте тоже удивлялась: неужели же не все бабушки с внуками так живут?

Когда компания снова собралась у Грена, они здорово перепились.

— Тише, бабушка может прийти, — умоляла Блерте, а они уверяли, что не придет, нынче все собралось у почтмейстерши, малец ее пропал. Не иначе Госпожа Тренога уволокла.

— Почем знаешь, что Тренога? — спросил Грен.

— А под окном чешуйку зеленую нашли и след от хвоста.

— Вранье, следы она хвостом и замечает.

— Зачем они вообще живут на свете? Какой смысл в этих чудесах? — сказал кто-то брезгливо.

— А какой смысл в людях? — хмыкнул Грен. — Для чего живет на свете наш сосед, мещанин Пфук? Для чего он родил десятерых детей, толстых и глупых? А они вырастут и родят еще по десятку. К чему это? Просто жажда размножения. Так и у животных. Так и у Треног.

— А почему она всегда является в виде женщины?

— Ясное дело, потому что под длинными юбками удобно прятать третью ногу и хвост.

— А может, наша тихоня Блерте тоже треногая, вон какое платье, до пят!

И они, разгоряченные вином и запретной беседой, стали вязаться к Блерте:

— Мы только ножки твои пересчитаем!

— Ну хоть туфель покажи!

— Ребята, она боится, что мы увидим ее хвост!

Один, самый хмельной, улегся на пол и попытался приподнять ее юбку. Блерте растерялась, а Грен куда-то подевался, за пивом убежал, что ли, и вступить было некому. И тут встал Пастух.

Он ничего не говорил. Молча наступил ногой на руку, что тянулась к Блерте. «А его боятся», — поняла Блерте,

наблюдая, как быстро трезвеют, разбирают шапки и уходят прочь Греновы дружки.

С тех пор если и встречался братец с ними, то не дома. И, дивное дело, допытывался у Блерте, кто такой этот Пастух.

— Ты разве не помнишь его? Он добрый человек.

— Держись подальше от этого доброго человека, — велел Грен сердито.

Блерте не могла взять в толк, почему он так недоволен. Как будто ревнует. Она усмехнулась этой мысли и пошла загонять гусей.

Наступило лето, щедрая пора. Земляника, грибы, липовый цвет и чабрец для чая, зверобой и ольховые шишки для бабушкиных суставов, веники на зиму гусям. Грену наскучили его дружки, и он увязывался с Блерте в лес. Помогал даже. Срезал ножом березовую чагу, выкапывал корни цикория, таскал тяжелые корзины с грибами. Она радовалась: «Теперь в два раза больше соберем», а он смеялся, дразнил ее хлопотуньей и гусиной принцессой, дивился ведьминным кругам шампиньонов, чуть не наелся волчьих ягод, а однажды заплутал, изрядно перепугав сестру.

— Будто нездешний, — удивлялась Блерте. — В детстве ж по солнцу всегда дорогу находил.

Он картинно разводил руками, а она продолжала:

— Полянку с рыжиками не помнишь, гадючий камень не знаешь, могилу висельника прошел и не заметил. А где мы всегда полудничали, молоко пили? А как потерял корзинку и бабушка поколотила тебя?

Он пожал плечами.

— И это забыл? — упавшим голосом спросила она.

Блерте вспоминала детство с теплотой и любовью. А Грену было интереснее настоящее. Или даже будущее.

— Осенью вернусь в столицу, — однажды сказал он. — Поедешь со мной?

— Что ты, я не могу бросить бабушку, — испугалась Блерте. — И тебе зачем уходить? Неужели тут не можешь найти себе дело? Да хоть бы помогал мне, взяли б гусей побольше, они приносят хороший доход.

— Гуси, доход, — передразнил он. — Грен-гусятник, так меня будут звать, да? Глупая ты, Блерте. Дальше носа своего не видишь. Неужели ты не хотела бы увидеть другую жизнь? Попробовать что-то новое? Неужели ты рождена для того, чтоб всю жизнь бошки гусям вертеть?

Блерте молчала. Она никогда не задумывалась об этом. Где родился, там и пригодился, она была из таких людей, да, а Грен был, видно, перелетной птицей. И сердце ее сжималось от мысли о предстоящей разлуке...

Как-то они собирали голубику на болоте и нашли островок, поросший рогозом да ольхой, посреди топкого места. Разрушенный мостик догнивал в воде, а за деревьями виднелся домик.

— Старая лесничовка, — проговорила Блерте. — Говорят, там живет Госпожа Тренога...

— Глубоко тут? — Грен ткнул палкой в воду.

— Порядочно, да пивок полно, высосут всю кровь прежде, чем переберешься. — Она поехала.

Братец смотрел задумчиво на густые заросли ольшаника, увитые хмелем. И Блерте смотрела. Девчонка-молочница хвасталась, будто ходила к Госпоже Треноге

за колдовскими зельями. Четыре пары шерстяных чулок надела, от пиявок. Она показывала Блерте бутылочку, и будто бы косточка там в мутной воде плавала и блестело что-то, но Блерте видела, что девчонка врет. Да и пахло из бутылочки не тайным снадобьем, а пустырником и полынью. Стоило ли к Треноге ходить за тем, что у всякого плетня растет.

— Говорят, она желания исполняет. Что бы ты попросила?

— Смерти разве что, — прошептала Блерте. — Если бы стала жизнь совсем не мила...

— А я попросил бы, — серьезно сказал Грен, — тенька Тренога, покажи мне свой хвостик, с кисточкой он у тебя или без?

— Не шути с этим! — испугалась Блерте.

— А я и не шучу, — хмыкнул он.

На ужин были бобы и вареная телятина. Бабушка прочла молитву. Тикали часы, трещал огонь в печи. Грен терпеть не мог тишины, Блерте уже поняла это. Вот и сейчас, не успев прожевать, он сообщил:

— А госпожу Треногу намедни видели в городе.

Блерте вздрогнула и просыпала бобы с ложки.

Бабушка сердито поглядела на них обоих:

— Прекрати поминать эту погань в доме. В детстве язык с мылом полоскали, да все напрасно, так болтуном и остался. Чайник вскипел, Блерте. Или ты ослепла?

Блерте поспешно вскочила. А Грен продолжал:

— Помню, в детстве мы гуляли на городской свалке, сокровища искали. Пелле разок повезло, золотое кольцо нашел внутри старой перчатки. А я отыскал башмак. С левой ноги и совершенно новый. Через пару недель и Пелле попался башмак. Тоже левый, с иголки, кожа скрипела. Когда мы обнаружили еще парочку, свалка перестала казаться таким уж приятным местом.

— Да может, правые потерялись просто, — предположила Блерте. — Или от покойника одного выбросили...

Грен с усмешкой покачал головой.

— Все это означает лишь одно: у нашей госпожи Треноги третья нога — правая, а значит, вылупилась она в высокосный год. А на днях я снова был на свалке, — прошептал Грен, и Блерте поневоле прислушалась. — И я снова нашел левый башмак...

— Ваш кофе, бабушка, — сказала Блерте нервно.

— А ты знаешь, что Госпожа Тренога бродит в сумерках по городу и заглядывает в окна, и на плите убегают молоко, и трескаются тарелки, а дети плачут и заикаются, если увидят в окне ее желтые глаза с вертикальными зрачками?

— Как не стыдно пугать сестру! — усовестила его бабушка.

И тут за окном тихонько прошелестело, словно кто-то хотел отойти и замешкался, зацепился юбкой. Блерте вскрикнула.

— Слышите? Это крадется Госпожа Тренога, — проговорил Грен зловещим голосом.

— Это ветер, — сказала бабушка. — Иди спать, злой мальчик. А ты, Блерте, взбей мою перину и принеси грелку. И перестань дрожать, дуреха, он же тебя дразнит.

Перебив посуду, загасив огонь и крепко-накрепко заперев двери, Блерте пришла в спальню. Братец встретил ее взбодороженный.

— Ты слышала? Что-то скрипит в подполе!

— Мыши? — проговорила она, раздеваясь.

— Ой ли! Помнишь, я как-то забрался туда, бабушка решила, что за вареньем. А больно нужны мне эти плесневелые банки. Я искал другое... — Он оглянулся на окно и зашептал: — Говорят, раз в сто лет Госпожа Тренога забирается в чужой подпол и откладывает там яйцо. Вот я и решил проверить. Не хватало еще, чтоб эта гадина вывелась у нас!

Блерте струхнула не на шутку. Такое она слышала впервые. И хоть бабушка зовет Грена вруном — все равно жутко. Трясаясь от холода в тонкой сорочке, она вышла из-за ширмы.

— Кто тебе это сказал?

— Твой добрый человек, Пастух, я встретил его намедни. Гляди, у меня кочерга под кроватью, — похвастался Грен. — Меня так запросто не сожрешь.

Тут громыхнуло и покатило за дверью. Будто кто шел и зацепил поганое ведро в сенцах. Блерте взвизгнула, кинулась к брату, прижалась к нему. От ее резкого движения погасла свеча, и Блерте в ужасе закрыла глаза. Маленькая, маленькая девчонка она была, несмотря на длинные косы и грубые руки, что с утра до вечера варят, скоблят, месят, таскают тяжелое, отмывают нечистое. Но когда приходит ночь, эти руки оцепенело прижимаются к груди, и Блерте снова десять лет, и тьма подступает все ближе. Дыхание Грена слышно ей, биение его сердца. И чьи-то крадущиеся шаги. Будто стучит по полу детский, тощенький хвостик. Будто ступают нетвердо три ножки: топ-топ-топ, тишина и снова топ-топ-топ. Вылупилась маленькая треножка и принюхивается, ищет горячей человеческой крови, чтобы насосаться и подрасти.

Блерте сотрясала дрожь, и Грен крепче сжал ее в объятьях, то ли успокаивая, то ли собираясь еще больше напугать.

— Слышишь? — прошептал он. — Тварь идет сюда. Сейчас огрею ее кочергой.

— Нет, нет, — горячо прошептала Блерте, — не отпускай меня, не оставляй меня одну в темноте!

Тут дверь их комнатки распахнулась, и Блерте не удержала крик.

Но конечно, это была не Госпожа Тренога.

На пороге стояла бабушка, в ночной кофте и чепце.

— Что вы делаете? — спросила она с отвращением.

Грен разжал руки, и Блерте выскользнула, спряталась под своим одеялом, сгорая от стыда. Как будто от бабушкиной свечи легла на них грязная тень.

Наутро братец переселился на чердак. Так велела бабушка. А Блерте с тех пор не могла уснуть. Ей мерещились тихие трехчастные шажки. Две бессонные ночи она провела, сжимая кочергу и не сводя взгляда с двери, а днем засыпала на ходу. Все валилось из рук, билась посуда, пригораластряпня, гусята разбежались. Бабушка негодовала, дубовой трости находилась работа, и Грен поначалу посмеивался, но потом что-то другое скользнуло в его глазах. На третью ночь дверь скрипнула, и братец проговорил негромко:

— Отзынь, у меня всего две ноги и ни одного хвоста.

Блерте выронила кочергу и разрыдалась.

Он держал ее за руку, пока она не уснула. Стал приходить каждый вечер. И бабушка ни разу не застигла их. Хотя порой Блерте мерещились шаги, но дверь никогда

не открывалась, и постепенно кошмары растаяли, словно утянуло их в окошко свежим летним ветерком.

Эти ночи, рука в руке, дали Блерте ощущение безопасности и тепла. Грен был с ней ласков, не насмешничал, даже начал помогать — то воды принесет, то печь растопит. Вымел всех пауков из кухни, искусанный ходил, но довольный. Она за это испекла пирог с брусникой и очень удивилась, когда Грен попробовал и скривился: «Что, это был мой любимый? — И пожал плечами: — Ну прости, вкусы меняются».

Блерте все больше привязывалась к нему, а он перестал курить в доме и старался не сквернословить. Они часто бывали вместе. К картам Блерте не прикасалась (грех!), и Грен научил ее играть в гляделки. И она всегда побеждала, потому что могла бесконечно глядеть в его глаза. Порой Грен терялся от ее взгляда, порой сердился. А иногда делал неожиданное резкое движение, Блерте пугалась и моргала, это было нечестно, но она не обижалась, нет.

Как-то они отыскали старинную книгу по хиромантии и принялись гадать. Они сидели так близко. Пальцы Грена пахли табакотом. Грен трогал ее ладонь, и Блерте замирала от этих прикосновений, не понимая, что с ней происходит. А потом, кажется, поняла. А он, ничего не замечая, водил пальцем по ее руке:

— Это линия сердца, ты будешь счастлива в любви.

— Я никогда не буду счастлива, — говорила Блерте обреченно.

Чердак хранил осколки прошлой жизни: детский клетчатый фартучек («Интересно, мой или твой?»), сломанного черта-из-коробки («Помнишь, как ты боялся его?»), истлевшие выкройки, побитые молью шляпы, кофемолку без ручки. Однажды Грен отыскал чьи-то свадебные одежды. «Хоть раз увижу тебя в белом, ну давай же». Пышное платье с золочеными вышивками село как влитое поверх домашней старенькой робы. Грен расплел косу Блерте, рассыпал волосы по плечам, заметил шрам на лбу:

— Откуда это?

— Не помнишь? Ты еще дразнился: «Блерте-воровка, гуся обокрала». А у тебя тоже есть шрам, я помню, ты с шелковицы упал, напоролся на ветку.

И она потянулась к его воротнику, но Грен перехватил ее руку и ничего не сказал. Надел на нее фату. Подвел к пыльному зеркалу.

Внизу, в комнатах, не было зеркал. Бабушка говорила, они порождают гордыню и самолюбование. Ведра с водой, начищенная медь, оконные стекла тоже отражали, и Блерте видела толстую косу, широко расставленные глаза, белесые ресницы и сурово сжатые, непривычные к улыбке губы. А сейчас в зеркале словно и не она улыбалась счастливо и сияла, как настоящая новобрачная. Братец встал рядом, статный, взрослый, в черной брючной паре, и на секунду она представила, будто это ее жених, а он перебирал ее волосы и хмурился.

— Как ты умудряешься прятать свою красоту? — спросил он. — И зачем?

Блерте несмело улыбнулась. А ее отражение словно плакало, ползла трещинка по щеке. Зеркало-то разбитое, обомлела Блерте. Скорей отвернулась, сорвала флердоранж, нахлобучила чепец. Но та, в золотых вы-

шивках, с распущенными тяжелыми волосами, с тревожным взглядом, стала сниться ей, предвещая беду. И беда пришла.

В тот день все не ладилось. Мыши изгрызли туфли Блерте, и остановились вдруг часы, и старуха гусыня учудила, снесла зараз два яйца. Что-то случится, думала Блерте, и сердце ее колотилось от дурного предчувствия.

За ужином Грен обыкновенно болтал о Треноге:

— Ни один сапожник не может сшить ей обувь. И бродит тварь по городу, хватает ребятишек, из их кожи шьет себе башмаки. А кожа тонкая, нежная, башмаки быстро стаптываются, снова и снова приходится выходить ей на охоту...

Блерте слушала, обмирая. Опять он за свое. А ведь обещал не пугать, был уже таким ласковым. Снился ей даже... А теперь, видно, снова Тренога приснится...

— Не того ты боишься, Блерте, — сказала вдруг бабушка, и Блерте вздрогнула. — Не хотела язык марать об эту грязную историю, да, видно, придется, — продолжала бабушка брезгливо. — Давным-давно жили в нашем городе брат и сестра. Они поступились святыми законами и согрешили, смешали кровь. От их богомерзкой связи родился треногий ребенок с хвостом, и они отнесли его на болото и утопили. Но тварь выжила. Безлунными ночами она ходит в город и крадет младенцев. Она ненавидит их за то, что у них две ноги.

Блерте переглянулась с Греном. Он выглядел обиженным, словно бабушка перехватила у него любимую забаву.

— А еще, — бабушкины очки зловеще сверкнули, — Тренога заглядывает в окна, насылает порочные мысли, сны да наваждения. Все ждет, что кто-нибудь оступится и родит ей треногое дитяtko...

Грен недоуменно поднял брови, а Блерте не знала, куда деваться от стыда. Бабушка все видит, все знает, бабушка будто шелушит горох: вскрыла ногтем сердечко Блерте и вытряхнула на ладонь, но оно было уже порченным, червивым, и оставалось только выкинуть его прочь.

Бабушка давно спала. Грен курил на крыльце, он был непривычно молчалив, словно решал в уме сложную задачу и не мог найти ответа. Блерте домывала посуду. Руки двигались привычно, а в голове тяжким молотом бухали слова. Грязные мысли. Богомерзкий. Смешали кровь.

Она вздрогнула, потому что Грен вдруг оказался рядом.

— Блерте, мне... Я должен сказать тебе...

Он дошел совсем близко. Дотронулся до пряди ее волос около щеки.

Она смотрела на брата в ужасе. Так он тоже? Они оба?

— Нет, нет, молчи, не смей! — оттолкнула его и убежала.

Ночью он пришел, как обычно. Но дверь оказалась заперта.

— Спишь, Блерте?

— Нет, — отозвалась она.

Она стояла за дверью, не отходила.

— Блерте, мне нужно признаться тебе. В хорошем и плохом. С чего начать?

— С хорошего, — прошептала она.

Он улыбнулся:

— Я люблю тебя, Блерте.

Она сдавленно охнула, и наступила долгая, долгая тишина. Что она делала там, в темной комнатке, молилась, плакала или лежала в беспомощности? Не дождавшись ответа, он заговорил снова, быстро, путано, взхлеб:

— Я не брат тебе, Блерте, я тебя обманул. Твой братец Грен и не думал возвращаться домой. Он подговорил еще двоих и, как стаяли льды, сбежал с первым же кораблем. А я просто заехал сказать, чтоб вы его не ждали. Но ты так ласково назвала меня его именем... И никто не заметил подмену... Это было забавно — дразнить старуху, плести небылицы о Госпоже Треноге, но потом я понял, что не хочу пугать тебя и не хочу смотреть, как тебя лупят палкой... Блерте, я увезу тебя силой из этого паучьего гнезда, слышишь?

Он толкнул дверь, она отворилась. На сквозняке от открытого окна дрожала свеча. Постель Блерте была застелена, и на подушке лежал нательный крест.

В других обстоятельствах Грен бы посмеялся, что тихоня Блерте вылезла в окно. А теперь этот поступок казался о многом. И он знал только одно место, куда Блерте могла пойти ночью, одна, без креста.

Дурак, дурак! Почему он не сказал ей раньше, какого черта играл с ней? Все время забывал, что она считает его братом... И какого черта рассусоливает сейчас, когда Блерте бродит впотьмах на болоте и может утонуть, добираясь до старой лесничовки.

Ее крест он надел на шею, рядом со своим. И, хлопнув дверью, покинул дом.

Он порядочно заплутал и уже на рассвете вышел к озерцу с пиявками, которых так боялась Блерте. Отыскал брод, сапогам пиявки не страшны. На островке нашел обрывки платья и кровь, видно, Блерте перевязывала ноги. Кочки, ольшаник, осока, лягушата порскают из-под ног. И развалюшка со слепыми окнами, крыша провалилась, дверь в землю вросла. Разумеется, лесничовка была пуста.

А потом, холодея сердцем, он заметил ленту, почти засосанную внутрь болотного окошка, раздавленные клюквинки, сломанные ветки, вырванный мох. Дальше земля была нетронута, никаких следов. И это означало только то, что Блерте не ушла, что она осталась тут...

Он сидел на земле, держал в руке грязную ленту и плакал.

— Она не утонула, Грен, — сказал кто-то.

Голос был тихий, теплый и вкрадчивый, Грен вскочил и обернулся, ожидая встретить желтый взгляд с вертикальными зрачками. Но за его спиной стоял всего лишь Пастух, и Грен подивился, что сразу не узнал его голос.

— Ты ее видел?

— Как тебя сейчас, и даже ближе, — кивнул Пастух.

Рыжая собака у его ног скалилась, словно смеялась. Грену вдруг вспомнились нехорошие слухи, что ходили об этом человеке. «Он Пастух, а не Охотник», — так говорила Блерте, да, но где его стадо? Кого, скажите на милость, он пасет?

— Вот таких глупышей, как вы с Блерте, и пасу, — сказал Пастух и усмехнулся, показывая мелкие острые зубы. — Думаешь, вы первые явились госпожу Треногу проведать? Дети, сущие дети. Лезете, куда не просят, ищете, чего нет. Мать приспит дитя или в колодец уронит, а виновата треногая тварь. Как будто те, у кого две ноги,

ФАНТАСТИКА

зло творить не способны.

— Невинные не скрываются так умело, — перебил его Грен.

— А ты бы не скрывался, будь у тебя хвост? — развеселился Пастух. — Наши горожане и горбатых да хромым не больно жалуют. А тут третья нога. Не иначе, от лукавого. Девоч сколько в болоте едва не утопло, и все туда же, к ней, за колдовством, за счастьем и любовью. Да если б Тренога тут и была, то разве б счастьем торговала? Только бедой. Блерте одна это поняла. А не нашла никого — в трясину собралась, еле успел...

— Куда пошла Блерте? Мне нужно ее догнать и объяснить...

— Она знает, Грен. Или лучше звать тебя настоящим именем? — Пастух подмигнул. — Мне пришлось сказать ей правду о тебе, снять камень с ее души.

— И что она? — тихо проговорил Грен. — Возненавидела меня?

— Блерте не умеет ненавидеть, — покачал головой Пастух. — Не из того теста. Иди и отыщи ее и уведи подальше отсюда. Она хорошая девочка, Грен, и пора уже ей стать счастливой.

Пастух глядел Грену вслед. Ишь, дурачки, где Треногу искать удумали. Да она на болото ни ногой, сырости не любит. Ее логово в городе, и он будет обходить дом за домом, выискивая, вынюхивая, вываживая, как рыбак вываживает щуку. Рано или поздно она ошибется, выдаст себя. И тогда он убьет гадину, если она того заслуживает, если хоть часть сплетен о ней — правда.

Он докурил, свистнул собаку и размеренно зашагал по болоту, туда, к беззащитному спящему городку, где никли в палисадниках золотые шары, блестела на камушках утренняя роса, где в подполе, за горшочками с паштетом, появилась первая трещинка на тусклом сероватом яйце. Ставни в домах были еще закрыты, и редко где вился дымок над трубой, только старуха в черном стояла у забора, глядя на дорогу.

«Упустила ты свою внучку, — подумал Пастух довольный. — Некого больше тиранить».

Старуха словно услышала эти мысли и недобро зыркнула ему вслед, а потом побрела к дому. Подслеповатая и грузная, в желтоватого кружева чепце, она шла вперевалку, опираясь на трость. Поскрипывали ботинки, шуршала юбка.

Старуха улыбалась.

Пастух был уже слишком далеко, чтобы слышать ее шаги.

Топ-топ-топ, и тишина, и снова топ-топ-топ...

